

Научная статья
УДК УДК 13
doi: 10.17223/15617793/476/10

Религиозное правосознание в условиях цифрового мира и европейский консерватизм

Елена Александровна Казачанская¹, Алексей Игоревич Овчинников^{2, 3},
Армэн Кароевич Оганесян⁴

^{1, 2} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

³ Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия

⁴ Сочинский институт Российского университета дружбы народов, Сочи, Россия

¹ elk.13@yandex.ru

^{2, 3} k_fp3@mail.ru

⁴ elk.13@yandex.ru

Аннотация. Анализируется влияние процесса цифровой трансформации общества и государства на правосознание представителей консервативных христианских конфессий, а также на идеологический и социокультурный контекст интерпретации современных тенденций в сфере цифровизации общества и государства внутри европейской цивилизационной идентичности, в том числе оценку различных угроз и вызовов достоинству человеческой личности и правам человека в контексте цифровизации.

Ключевые слова: цифровые технологии, достоинство личности, права человека, правосознание, правовой консерватизм

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44228 «Право и правосознание в теологическом измерении: история и современность».

Для цитирования: Казачанская Е.А., Овчинников А.И., Оганесян А.К. Религиозное правосознание в условиях цифрового мира и европейский консерватизм // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 95–104. doi: 10.17223/15617793/476/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/10

Religious legal consciousness in the conditions of the digital world and European conservatism

Elena A. Kazachanskaya¹, Alexey I. Ovchinnikov^{1, 2}, Armen K. Oganessian³

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation,

² South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Rostov-on-Don, Russian Federation

³ Sochi Institute of RUDN University, Sochi, Russian Federation

¹ elk.13@yandex.ru

^{2, 3} k_fp3@mail.ru

⁴ armenoid1986@rambler.ru

Abstract. The article proposes to change the view on modern Western Europe, which is predicted crisis and death in the future in connection with its rejection of traditional values. The authors of the article, using the example of legal consciousness and human rights values, try to show that, in fact, digital globalization and the digital transformation of society cause a conservative reaction from religious confessions. The religious consciousness of traditional European confessions is recognized in the article as the most conservative. The authors are convinced that the reaction of the legal consciousness of representatives of both the Roman Catholic Church and the Russian Orthodox Church in relation to artificial intelligence and digital technologies is due to the protection of human rights and dignity of the individual in the new digital era. The article uses the methods of philosophy of law, legal ethnology, legal anthropology, and sociology of law to consider the processes of transformation of legal consciousness. The work, based on anthropological studies of culturologists and sociologists, shows the erroneousness of the forecast regarding the unification and standardization of legal value-normative systems in the process of digital transformation of society and the state. The authors prove that digitalization, in its own way, has “sharpened” the long-standing disputes about the philosophical and legal nature of the categories “dignity of the individual”, “nation state”, “human rights”,

“respect for the person”, “legal mentality”, “legal culture”, etc. An important conclusion in the work is the following: practically all Christian traditional confessions negatively assess the synthesis of artificial intelligence technologies and the ideas of digital capitalism. There is also a conflict between the conservative religious consciousness and the views of representatives of the fashionable philosophy of transhumanism. The article emphasizes that representatives of Christian communities pay special attention to threats and risks to children’s rights, protection of juvenile rights and freedoms. The authors come to another conclusion: in general, European Christian conservatism adheres to a moderate assessment of new information technologies from the point of view of protecting the dignity of the individual and human rights. These processes provoke protest, since the conflict of values is very dangerous and can lead to a deep civilizational split. At the same time, the loss of the religious and moral foundations of the legal consciousness and legal culture of the inhabitants of the EU countries leads to anarchy and unrest. Rationalism and technocracy of the modern technological order do not unambiguously lead to unconditional acceptance by representatives of the countries that created this order.

Keywords: digital technologies, personal dignity, human rights, legal awareness, legal conservatism

Financial Support: The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 21-011-44228.

For citation: Kazachanskaya, E.A., Ovchinnikov, A.I. & Oganessian, A.K. (2022) Religious legal consciousness in the conditions of the digital world and European conservatism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 95–104. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/10

Введение

В современном мире процессы цифровизации не оставляют никого равнодушным, и оценка новых технологических достижений человечества все чаще «звучит» из наиболее традиционных и консервативно-настроенных сообществ. Это вполне объяснимо: новый технологический уклад все сильнее влияет на жизнь всех людей на планете, не оставляя возможности выбирать «за» или «против» их внедрения. Наиболее консервативно настроенное сообщество – этнические и религиозные группы, этноконфессиональные организации, по-своему «реагируют» на нововведения: часть из новых цифровых технологий принимается безоговорочно, часть вызывает умеренное опасение, некоторые цифровые технологические идеи вызывают радикальное отторжение. При этом европейские религиозные организации апеллируют при анализе рисков к классической идее прав человека и традиционной западноевропейской философско-правовой аргументации.

В качестве примера можно указать на реакцию Римско-католической церкви по отношению к искусственному интеллекту и цифровым технологиям. 28 февраля 2020 г. был опубликован «Призыв Рима к этичности искусственного интеллекта», разработанный Папской академией жизни. Среди подписантов этого документа не только религиозные деятели, в частности папа римский Франциск, но и представители транснациональных корпораций IBM, Microsoft, ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН) и представители правительства Италии [1]. Данный документ направлен был на защиту прав человека и достоинства личности в условиях новой цифровой эпохи.

Указанный документ можно рассматривать как еще одно подтверждение христианских корней современной технологической революции и понятий о правах человека. Эта декларация, с одной стороны, подтверждает вывод одного из ведущих исследователей правовых аспектов внедрения цифровых технологий в государство и общество о том, что универсальность идеи прав человека и достоинства личности

сопрягается со свойством универсальности цифровых технологий, что обеспечит решение вопроса об их применимости: выработать отношение к новым технологиям позволяет то, что сущность человека и связанных с ним ценностей не меняется [2]. С другой стороны, как увидим далее, новые цифровые технологии кардинально меняют представление о человеческой природе и затрагивают неизбежно вопросы философской антропологии.

Активно изучает религиозно-правовые аспекты новых информационных и цифровых технологий Русская православная церковь. В настоящее время ведется работа над церковно-правовым документом, разрабатываемым соборно ОВЦС Московской патриархии под названием «Христианское мировоззрение и современные вызовы научного и технологического развития. Отношение Церкви к новым информационным технологиям (антропологический аспект). Проблематика, связанная с развитием искусственного интеллекта». Этот документ призван дать не только богословскую оценку всеобщей цифровизации, но и установить границы конфессионального признания, одобрения и легитимности новых технологий. Не отстают и представители других конфессий: проблемы новых технологий стали особенно активно обсуждаться в контексте противодействия COVID-19, профилактика которого опирается на применение цифровых дистанционных технологий.

Христианские конфессии по-разному проявляют реакции на цифровые инновации и цифровой прогресс, некоторые более консервативно, некоторые менее. Однако в целом цифровые технологии не рассматриваются как нечто неприемлемое. Более того, некоторые авторы отмечают рост интереса к христианской культуре в условиях цифровизации, отмечая, что, несмотря на парадоксальность, христианское мировоззрение, этическое учение и ценности более гибко сочетаются с научно-техническим прогрессом, так как именно в лоне европейской культуры и зародилась современная научная картина мира. Непосредственно такое объяснение они дают росту численности христиан в Китае среди представителей молодежи, не мыслящей себя вне технологического окружения [3].

В то же время нельзя не замечать появления совершенно новых, ранее неизвестных рисков и вызовов правам человека, на что обращают внимание в том числе и европейские богословы различных христианских конфессий, а также защитники коренных малочисленных народов, национальных меньшинств, этнических групп. Прежде всего, они отмечают риски изменения представлений о природе человеческого достоинства под влиянием успехов в разработке имитирующих творческие способности человека нейросетевых технологий искусственного интеллекта. Изменяются представления и о социальных связях человека, о необходимости поддерживать единство и целостность религиозных общин посредством встреч и собраний. Цифровые технологии усиливают индивидуализм и атомарность, что приводит к ослаблению религиозных ценностей.

Теоретико-методологические и концептуальные подходы к проблеме

Исследование религиозного правосознания осуществляется в контексте не только конфессионального, но и этнокультурного восприятия нормативных новелл, так как присутствующие в каждой культуре базовые представления о добре и зле, справедливости и правосудии укоренены в религии. Их происхождение связано с определением священного и профанного, сакрального и мирского. Поэтому изучение этнических представлений о праве и политике неизбежно ориентируется на исследование религиозных норм и убеждений, на конфессиональное восприятие политических и правовых идеалов, ценностей и норм. Этнокультурная и религиозная идентичность оказываются неразделимыми и взаимодействуют постоянно, оказывая влияние на повседневную жизнь.

В процессе анализа современных тенденций цифровизации, которые отличаются целым рядом особенностей, связанных с виртуальной реальностью, оказываются значимыми как наработанные ранее парадигмы модерна, такие, например, как мироцелостная и системная парадигмы научного мышления, так и парадигмы, формируемые постмодернистской методологией, прежде всего, в рамках социально-конструктивистской парадигмы [4]. Поэтому цифровая трансформация общества и государства не может быть рассмотрена без учета уже ставших классическими работ Ю.М. Лотмана, Ю. Хабермаса, Д. Бэлла, М. Фуко, П. Бергера и других авторов, в которых рассмотрены различные аспекты влияния информационного общества на жизнедеятельность различных культурных сообществ, на коммуникативные структуры межкультурного обмена знаниями в современную информационную эпоху. При этом исследователи не ориентируются исключительно на прогнозы разрушения христианского учения о достоинстве человека и классической концепции прав человека, а также этноконфессиональных сообществ, в процессе их трансформации в информационном обществе и распространения цифровых технологий. Антропологические исследования культурологов и социологов показыва-

ют ошибочность прогноза относительно унификации и стандартизации ценностно-нормативных систем в процессе цифровой трансформации общества и государства. Этноконфессиональные различия никуда не исчезли, более того, как отмечает итальянский антрополог Мариэтта Комби, цифровизация не повлекла за собой гомогенизацию мира: этому свидетельствует «постоянно растущий спрос на признание собственных культурных и языковых особенностей в таких странах, как шотландцы в Великобритании, каталонцы в Испании и т.д. ... Чем больше мы осознаем жизнь в глобальном мире, тем сильнее мы защищаем местную идентичность» [5].

Этноконфессиональные сообщества инкорпорировали в себя цифровые инновации, используя их для подтверждения собственного права на этноконфессиональную идентичность. «Местная культура приобретает новые технологии, перерабатывает их, чтобы сделать их приемлемыми для существующей культуры в этом сообществе, и отправляет их обратно на глобальный уровень в непрерывном обмене межкультурными влияниями и в постоянной трансформации» [5]. Ряд исследователей настаивают на выводе о том, что стратегия мультикультурализма в цифровом обществе сдает позиции и уступает место этноплюрализму и многоконфессиональности [6]. Не менее важной для исследования следует признать точку зрения, что в ряде случаев цифровые технологии позволяют даже укрепить этноконфессиональную идентичность, как на это указывают в своей статье С. Абрамович и Питер Самуэльсон Уордrip [7]. Ответ оказался положительным: цифровые бейджи, значки, иконки, аватарки, выполненные в этническом и религиозном символизме, усиливают этническую и конфессиональную идентичность. Более того, цифровые технологии влекут за собой формирование нового формата этнокультурной идентичности – виртуальную этничность. «Виртуальная этничность» в «глобальной деревне», по мнению Лии Макфадьен, предполагает совершенно новый ракурс по отношению различных подходов к этничности: социально-конструктивистского и материалистического [8].

Этноконфессиональные нормативные системы оказывают, в свою очередь, особое влияние на процессы цифровизации общества и государства. В различных сферах цифровизации, от политической [9] до образовательной [10], обнаруживают сохранность устойчивые этноконфессиональные архетипы. При этом влияние этноконфессиональных установок на актуализацию проблемы социального расслоения и прав социально незащищенной массы людей из стран третьего мира, доступа к цифровым правам человека всех без исключения, на проблему «цифрового равноправия» дает повод социологам, работающим в области изучения цифровых медиа, обратить внимание на «цифровой разрыв» как на существенную методологическую проблему в исследованиях прав человека [11]. Сабина Михель и Адриан Легина обращают внимание на то, что цифровизация влечет имущественную дифференциацию в плане доступа к объектам культуры, а также ее примитивизацию и омассовление [12].

Более разрушительным влияние цифровизации следует признать на идею национального государства. Разрушительным считается влияние цифровой глобализации на национальные государства с доминирующей титульной этнонациональной общностью. Известный футуролог Рэй Курцвейл, один из создателей Университета сингулярности, указывает: «Мы уже фантастически взаимосвязаны. Национальные государства – это больше не острова. Мы стали гораздо более глобальным обществом. Растущее сегодня поколение ощущает себя гражданами мира, потому что они общаются с людьми по всему миру, и их это не удивляет» [13]. Впрочем, цифровая глобализация в этой части лишь продолжает тенденции экономической глобализации.

Понятие национального государства скоро будет неактуальным, считает достаточно большое число исследователей, полагающих, что цифровизация неизбежно устраняет границы между государствами и выявляет проблемы избыточных бюрократических барьеров в коммуникации и научном прогрессе, общении и внедрении инноваций [13].

Критика разрушительного влияния цифровых технологий на этнонациональную идентичность привела к появлению нового термина – «цифровые кочевники», к социальной группе которых относятся носители идеи цивилизации «кочующих объектов» (термин Ж. Аттали), под которыми понимают «электронных кочевников», не помнящих или не имеющих родины. «Мы полагаем, что именно сохранение национального своеобразия человеческих сообществ мешает установлению режима неограниченной “цифровой власти”. Национальные особенности мировосприятия базируются на культурно-исторических традициях, языковых концептах, духовно-нравственных ценностях, основанных на верности духу предков, сохраненному в языке с помощью его кумулятивной функции. Лишаясь защиты Рода (от корня “род” в русском языке словообразование насчитывает около 100 лексем: народ, родина, родня, благородный, родиться, родители, родник, родинка, зародыш и т.д.), человек становится послушной игрушкой в руках “цифрового” манипулятора, который легко его может убедить в чем-либо (пожалуй, даже в чем угодно) на основе, например, одной из базовых идей глобализации, идеи толерантности» [14. С. 82]. В этих условиях особенно бережным должно быть отношение государства к культурно-исторической памяти народа, закреплённой языковыми концептами, являющимися продуктом культуры этноса, в отличие от инстинктов, имеющих универсальный характер [15]. Понимание данного обстоятельства мотивирует авторов признавать необходимость законодательного обеспечения этнокультурной идентичности в условиях цифровизации [16].

Постановка проблемы

Цифровизация по-своему «заострила» давние споры о философско-правовой природе категорий «достоинство личности», «права человека», «уважение к человеку» и др. При этом присутствие большого ин-

тереса наблюдается как в российской юридической литературе, так и в зарубежной [17–19]. В эпоху цифровых технологий достоинство человека со стороны юристов и философов должно особенно бережно защищаться и гарантироваться. Специальный докладчик ООН по пыткам (автор доклада ООН 2020 о психологической пытке) Нилс Мелцер справедливо отмечает: «Больше всего меня беспокоит эрозия прав человека. От Китая с Гонконгом и уйгурами до России и полицейского насилия в США и их нападков на Международный уголовный суд. От Сирии до Бразилии и всемирного миграционного кризиса. Права человека сворачиваются повсюду – пределов такому списку просто нет» [20]. Можно предположить, что современный мир, прогнозируя разнообразные вызовы человеческому достоинству в связи с достижениями научно-технического прогресса, столкнется с проблемой выработки совершенно новых международно-правовых документов, направленных на защиту прав человека в цифровую эпоху. Следует вспомнить и о том, что цифровизация может усилить тренд технократизации государства и дегуманизации права, который возник еще в период расцвета юридического позитивизма и о котором писал П.И. Новгородцев в своем знаменитом философско-правовом трактате о кризисе современного правосознания [21], где мыслитель актуализировал поворот к естественному праву в силу нравственной необходимости возрождения правового идеализма.

Осознание рисков потери достоинства человека, а также прав и свобод привело к появлению католической Резолюции об этике в области искусственного интеллекта, в которой говорится: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны действовать по отношению друг к другу в духе товарищества. Это основополагающее условие свободы и достоинства также должно быть защищено и гарантировано при производстве и использовании систем искусственного интеллекта. Это должно быть сделано путем защиты прав и свободы индивидов, с тем чтобы они не подвергались дискриминации алгоритмами по признаку их расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного положения» [1].

Данный документ не предложил никаких специальных критериев, выделяющих опасные и рискованные зоны внедрения цифровых технологий в человеческую жизнь. Однако современные социально-экономические процессы актуализируют новые вызовы этноконфессиональной идентичности.

Практически все христианские традиционные конфессии негативно оценивают синтез технологий искусственного интеллекта и идей цифрового капитализма. Благодаря применению цифровых технологий усиливается идеология «общества потребления», а сбор информации в системах больших данных способствует установлению «надзорного капитализма», где о потребителе известно практически все [22]. По мнению современных богословов, цифровая среда

предоставляет значительно больше возможностей для манипуляции потребителями маркетинговыми компаниями, так как поведение людей – это единственный продукт, который создают технологии, отмечают православные ученые [22].

На уровне правовой идеологии католические и православные богословы фиксируют примерно одинаково оценку перспектив цифровизации. «Искусственный интеллект должен быть прозрачным, инклюзивным, социально полезным и ответственным», – сказал Генеральный директор ФАО Цюй Дунъюй, который стал одним из первых среди тех, кто поставил свою подпись под резолюцией об этике в области искусственного интеллекта (ИИ), утвержденной Папой Франциском, обратив внимание на то, как важно, пользуясь потенциальными преимуществами этой новой технологии, уменьшать связанные с ней риски. – Необходимо добиваться человекоцентричного подхода в разработке и внедрении искусственного интеллекта сегодня и на будущее» [1].

Следует отметить и неприятие некоторыми представителями трансгуманистической философии права религиозных и светских моральных ограничений в этой сфере. Сторонники либеральной и прогрессивистской социальной философии пытаются вывести искусственный интеллект за рамки религиозного и морального дискурса, защищая и обеспечивая «светскость и свободу», что на деле оказывается очень выгодно крупным корпорациям, главная цель которых – извлечение прибыли, полагают представители религиозной мысли. И хорошо, если целью будет только извлечение прибыли, а не переустройство всего мира, оказавшегося у порога кризиса демократической модели самоуправления и встречающегося со значительными рисками [3].

О переустройстве мира все чаще говорится в прогнозах футурологов. «Механизмы экономики внимания работают на ослабление силы воли, – утверждает Уильямс. – Если политика – форма выражения своей воли на индивидуальном и коллективном уровнях, то экономика внимания явным образом подрывает положения, на которых зиждется демократия». Если Apple, Facebook, Google, Twitter, Instagram и Snapchat постепенно лишают нас возможности думать и размышлять, то у меня возникает логичный вопрос: «В какой момент перестанет существовать демократия?» [23]. Данное наблюдение имеет прямое отношение к этноконфессиональной идентичности, так как определяет роль цифровых технологий в формировании общих этноконфессиональных политических убеждений. По мнению многих авторов, технологии провоцируют невежество, отсутствие доверия друг к другу, одиночество, отчуждение, поляризацию, отвлекают и не позволяют сосредоточиться на реальных проблемах.

Манипулирование большим количеством людей – важнейший результат внедрения цифровых технологий. «Поведение людей – это единственный продукт, который создают технологии» [22]. Этноконфессиональные группы значительно более сильно подвержены различным манипулятивным методикам, исполь-

зующим этноконфессиональные представления в качестве базы социально-конструктивистских манипуляций.

Особое внимание представители этноконфессиональных сообществ уделяют угрозам и рискам в области прав детей, защите ювенальных прав и свобод. Доступ к информации во многих странах не имеет законодательных ограничений, что вызывает протесты со стороны консервативно настроенных родителей и ювенальных омбудсменов. Прежде всего, рост влияния сетевых цифровых технологий на психику детей уже привлек внимание криминалистов, расследующих многочисленные случаи подросткового суицида.

Представители христианских конфессий отмечают деструктивную роль цифровых технологий в формировании детского правосознания и уважения к достоинству личности. Например, разрушительным для представлений о достоинстве человека потенциалом обладают различные социальные сети. У ребенка складывается впечатление о корреляции достоинства человека с количеством лайков. «Продукты социальных сетей не создавались с привлечением детских психологов, целью которых было бы защитить и воспитать детей. Действующие алгоритмы рассчитаны скорее на то, чтобы снизить достоинство и самооценку человека, что особенно губительно для незрелой психики ребенка. В результате дети и подростки начинают организовывать свою жизнь вокруг ложного ощущения совершенства, получая одобрение в виде сердечек-“лайков”, которые отождествляются с реальными отношениями» [22].

Важным и своевременным представляется предложение ряда ученых о необходимости скорейшей интеграции усилий специалистов в сфере нейронаук, психологов и юристов в решении проблемы воздействия цифровой среды на нейросистемы человека. В одной из работ подчеркивается, что «перед уголовным правом стоит задача теоретического осмысления результатов исследований головного мозга, используемых в качестве доказательств в уголовных судах ряда стран и одновременно способствовавших возобновлению дискуссий о свободе воли и основаниях уголовной ответственности» [24. С. 83]. Думается, по мере дальнейшего развития цифровых технологий данная проблема будет все более актуальной: интеграция цифровых технологий в нейросистемы человека уже не фантастика [25].

Представляется, что этот процесс будет усиливаться, что актуализирует проблему этнопсихологического измерения процессов цифровизации права. Не случайно в анализируемой книге важное место занимает статья известного исследователя библейской философии права, первого вице-президента Международного Союза (Содружества) адвокатов П.Д. Баренбойма «Машины, механизмы, технологии. В конечном счете, между адвокатами и роботами будет стоять только психология» [26. С. 23]. В ней автор задается вопросом, а что может помешать или воспрепятствовать повсеместной замене адвокатов на роботов: «Нужно спокойно и уже даже не заранее

посмотреть, какие виды работы юристов могут быть роботизированы прямо сейчас, какие последствия этого процесса очевидны, а также что становится важнейшей и срочной задачей для адвокатов в данных условиях» [26. С. 24]. Автор обращает внимание на то, что государственная власть заинтересована в роботизации адвокатской работы: «Мы должны быть готовы к тому, что общество и власти охотно поддержат роботизацию юридической деятельности в расчете на удешевление и ускорение получения юридической консультационной помощи» [26. С. 24]. Он указывает на фиксацию противоречий в нормах права, на которую способен искусственный интеллект, но при этом признает, что только от программистов будет зависеть фиксация нарушения.

Таким образом, тема достоинства человека в условиях цифровизации звучит актуально, и следует обратить внимание на роль традиционных конфессий к ее опасностям и возможностям. Не стоит отказываться от консервативной религиозно-нравственной оценки рисков новых технологий. Это становится особенно явным, когда обезличенная и оцифрованная личность теряет традиционные характеристики человеческого достоинства. Доктрина трансгуманизма предполагает появление нового человека и человечества, связанного цифровой сетью, объединенного в коммуникативное целое.

Практически все христианские богословы едины во мнении относительно угроз богоподобию человека, исходящих от идей трансформации человеческой природы. Современный научно-технический прогресс позволяет нам видеть три основных направления реформатирования человеческой природы: 1. Генетически модифицированный человек (*HomoGeneticallyTransformed*). 2. Нанокорборгизированный человек (*Nano-Cybernetic HomoOrganism*). 3. Виртуально-цифровой человек (*HomoVirtualis*) [27].

Трансгуманизм является новой квазирелигией или пострелигией, о чем свидетельствует появление идеи «новой Реформации», «демифологизации религии», «республиканской церкви», «эмерджентной церкви» и т.п. Все они объединены одной задачей: трансформировать историческое христианство в некий секулярно-религиозный гибрид, попутно создав нечто вроде рынка религиозных услуг [2].

По сути, трансгуманизм является новым этапом давних стремлений европейских реформаторов обрести земной рай. «В 2015 году бывший сотрудник Alphabet и Uber Энтони Левандовски основал и стал CEO церкви поклонения искусственному интеллекту *WayoftheFuture*. Её цель – «содействие в достижении божественного, основанного на технологии искусственного интеллекта». Церковь закрыта для свободного посещения, а Левандовски никаких подробностей не рассказывает, поэтому о ритуалах и содержании молитв не известно» [28]. В Силиконовой долине многие верят в божественную силу технологий, полагая, что человек от природы неполноценен и необходимо с помощью новых технологий преодолеть эти несовершенства: «услужливые домашние

роботы начнут понимать наши желания лучше, чем мы сами» [28].

В 2015 г. на лекции «Технологии переворачивают мир вверх дном – что происходит?» выступало руководство Google и eBay. «Участники с энтузиазмом уверяли, что оцифровка сознания и прочее сделает мир лучше. Постепенно я начал понимать, что эти люди – евангелисты новой религии, правоверные, мечтающие о Земле Обетованной» [28]. Не случайно в политико-правовом словаре появился новый термин – диджитопия, или техноутопия.

Различные вызовы европейской христианской идентичности привели к тому, что консервативно настроенные интеллектуалы и общественные деятели из Западной Европы выступили с обращением – манифестом к правящим элитам. Журнал *VESPA* опубликовал ранее перевод части этого манифеста, с ним вы можете ознакомиться в материале «Парижская декларация. Европа, в которую мы верим» [29]. Авторы манифеста в основном являются представителями католических стран, выступающими за государственный и социальный контроль над «свободным рынком». По их мнению, неолиберальный мировой порядок ведет к безличной диктатуре транснациональных корпораций и элит, интересы которых обрели форму обязательного квазирелигиозного культа с ритуалами одобрения и анафемы. Все люди, по мнению авторов манифеста, сопротивляющиеся процессам глобализации, осуществляемой со знаменем универсализма при умалении значимости этноконфессиональных традиций, считаются представителями неолиберализма «ностальгирующими расистами и фашистами». Отвернувшаяся от христианских корней Европа уже не может быть уже нашим домом, потому что лжеевропейцы строят свой лжехристианский мир универсальных прав человека, в то время как данный универсализм порождает извращенное понимание прав человека. Групповые права, патриотизм, этноконфессиональная идентичность последовательно истребляется. Этому способствует и культура нигилизма (*culture of repudiation*), негативно влияющая на формирование европейской христианской идентичности будущих поколений. «Теперь, чтобы слыть порядочным человеком с критическим мышлением, следует отрицать ценность всего своего – национальной политики и культуры и т.д. И это самодовольное нерефлектирующее сознание самим своим существованием отрицает традиционные ценности Модерна: интеллектуальную честность, объективность и дисциплину мышления. Культура нигилизма победила» [29].

Религиозное правосознание представителей основных христианских конфессий одинаково негативно оценивает цифровые техноутопии с точки зрения построения нового типа общества. Например, лютеранские теологи, рассуждая о коммуникации в киберпространстве отмечают уменьшение доверия в связях между людьми, что влечет за собой новые формы взаимоконтроля [30]. Цифровые технологии не должны нарушать служения церкви в обществе, не имеют права за-

нимать центральное место вместо Евангелия и Слова Божия, не могут использоваться как инструмент для окружения абстрактного Бога; церковь должна обозначить пределы технологий, которые не должны помещать человечество в «готовый резерв» как товар [31]. Для этого необходимо законодательное закрепление прав человека на бесцифровую среду.

Православный богослов Эндрю Ван-Хунь подчеркивает в своих исследованиях постепенное замещение правового мышления технократическим в ходе цифровизации современного государства. Апеллируя к творчеству критиков научно-технического прогрессизма и технократии Жака Эллюля и Чарльза Тейлора, он указал на семь важнейших вызовов правосознанию личности: рациональность, искусственность, автоматизм технического выбора, самовоспроизводство, неделимость, технологический универсализм и автономия [32. С. 637]. При этом технократическое мышление создает предпосылки для проектирования собственного мироздания с собственными законами, правилами и стандартами поведения. В результате технократическое мышление вступает в конфликт с традиционными социальными нормами, влечет за собой дегуманизацию политики, экономики, культуры. Разрушается сакральное пространство бытия человека, а сама техника превращается в предмет сакрализации.

Православные богословы России, Греции, Румынии, Болгарии единодушны в опасениях относительно разрушительного влияния цифровых технологий на права и свободы человека и гражданина, указывая на «цифровое рабство», QR-коды и сбор биометрических данных, а также на духовную способность самовыражения личности. Заместитель председателя синодального отдела Московского патриархата по взаимоотношениям церкви с обществом и СМИ В. Кипшидзе в ходе обсуждения правовых аспектов цифровизации на онлайн-конференции «Цифровое перемирие. Контракт – 2030» отметил, что во время пандемии «некоторые технологии стали применяться слишком быстро – без обсуждения и рецепции». Отмечая пробельность законодательства в регулировании цифровых технологий, представитель РПЦ высказал осторожное предположение, что «иногда это оставляет подозрение, что, может быть, заинтересованные не хотят регулирования, устанавливать ограничения в сфере высоких технологий» [33].

Выводы

Европейский христианский консерватизм придерживается умеренной оценки новых информационных технологий с точки зрения защиты достоинства личности и прав человека. В целом и Римско-католическая, и Русская православная, и лютеранская церкви пытаются дать теологическую интерпретацию происходящих цифровых изменений и выработать нравственно-правовую шкалу приемлемости цифровых инноваций. Конфессии активно используют цифровые технологии для продвижения своих миссионерских проектов, про-

светительской деятельности, христианской проповеди: цифровые технологии активно используются для критики цифровых технологий. При этом следует обратить внимание на юридический дискурс с акцентом на права человека и достоинство личности в документах и позициях Римско-католической церкви. Это не случайно: юридическое мышление более понятно католическим богословам, использующим категории и термины из правового гуманизма для обоснования своих этических аргументов.

Достаточно показательной является реакция европейских интеллектуалов на процессы трансформации цивилизационной идентичности народов Европы, которая базируется на христианских ценностях. Эти процессы вызывают протест, так как конфликт ценностей очень опасен и может привести к глубокому цивилизационному расколу. При этом утрата религиозно-нравственных оснований правового сознания и правовой культуры жителей стран Евросоюза приводит к анархии и беспорядкам: оказывается, что рационализм и технократия современного технологического уклада вовсе не однозначно ведут к безоговорочному принятию представителями стран, создавших этот уклад.

Как это ни парадоксально звучит, но позволим себе высказать гипотезу, что в условиях постсекулярного мира цифровизация укрепляет религиозное правосознание и христианское учение о правах человека через актуализацию антропологического измерения права: искусственный интеллект «заостряет» вопрос о человеческом интеллекте, о юридической и моральной ответственности человека, о праве на выбор, на свободу человека; экзоскелеты и нанобиотехнологии привлекают внимание к теме соматических прав человека; перспективы высвобождения свободного времени в результате роботизации вновь привлекают внимание к поиску ответа на вопрос о цели человеческой жизни, о судьбе человечества, демографии и праве на жизнь, а также о социальном государстве и христианском социализме; наличие общего врага и апокалиптические настроения способствуют укреплению этноконфессиональной идентичности и политико-правовому консерватизму.

Примечательно, что ранее не используемая консервативно мыслящими христианскими богословами терминология правового гуманизма, считавшаяся свойственной секулярному правовому мышлению, стала активно применяться в дискуссии о пределах допустимости новых технологий с морально-этической и философско-правовой точек зрения. Права человека, право на достоинство человеческой личности, свобода личности и соматические права в XXI в. становятся частью христианского теологического дискурса, уже не вызывая отторжения в силу своего якобы секулярно-атеистического происхождения. Представляется, что в этом процессе явно прослеживаются культурно-исторические предпосылки концепции прав человека и его свобод, обоснование которых в качестве если не абсолютных, то важнейших ценностей подготовила многовековая христианская проповедь о достоинстве человека как «образа Божия».

Список источников

1. Преображающая сила искусственного интеллекта – на повышение эффективности, устойчивости и инклюзивности продовольственных систем. Генеральный директор ФАО присоединился к резолюции по этике ИИ, утвержденной Папой Франциском // Продовольственная и сельскохозяйственная Организация Объединенных Наций. URL: <http://www.fao.org/news/story/ru/item/1264088/icode/> (дата обращения: 11.04.2021).
2. Секуляр-гностицизм и православие // Богослов.RU. URL: <https://bogoslov.ru/article/6022962> (дата обращения: 11.04.2021).
3. Тренин-Страусов П.Д. О чем не сказал Папа Римский, искусственный интеллект и «христианская реальность» // Московская Сретенская духовная академия. URL: <http://www.sdsmp.ru/news/n8908/> (дата обращения: 11.04.2021).
4. Антропологический выпуск № 2. Смерть государств и новое человечество: три опасных идеи Рэя Курцвейла // Богослов.RU. URL: <https://bogoslov.ru/event/5625870> (дата обращения: 11.04.2021).
5. Combi M. Cultures and Technology: An Analysis of Some of the Changes in Progress—Digital, Global and Local Culture // Borowiecki K., Forbes N., Fresa A. (eds) Cultural Heritage in a Changing World. Springer, Cham, 2016. doi: 10.1007/978-3-319-29544-2_1
6. Ivlev V.Yu., Inozemtsev V.A., Ivleva M.L. Intercultural Communication and Dialogue of Ethnic Cultures in the Context of Digitalization of Society // Proceedings of the 7th International Conference on Education, Language, Art and Inter-cultural Communication (ICELAIC 2020). doi: 10.2991/assehr.k.201215.353
7. Abramovich S., Wardrip P.S. Can digital badges strengthen religious ethnic-cultural identity in a religious education setting? // British Journal of Religious Education. 2020. Vol. 42, Is. 3. P. 338–349. doi: 10.1080/01416200.2019.1626219
8. Macfadyen L.P. Virtual ethnicity: The new digitization of place, body, language, and memory // Electronic Magazine of Multicultural Education. 2006. January. URL: https://www.researchgate.net/publication/242563792_VIRTUAL_ETHNICITY_The_new_digitization_of_place_body_language_and_memory (дата обращения: 11.04.2021).
9. Lembani R., Gunter A., Breines M., Dalu M.T.B. The same course, different access: the digital divide between urban and rural distance education students in South Africa // Journal of Geography in Higher Education. 2019. Vol. 44 (1). P. 70–84. doi: 10.1080/03098265.2019.1694876
10. Enoch Y., Soker Z. Age, gender, ethnicity and the digital divide: university students' use of web-based instruction // Open Learning: The Journal of Open, Distance and e-Learning. 2006. Vol. 21, Is. 2. P. 99–110. doi: 10.1080/02680510600713045
11. Robinson L., Cotten S.R., Ono H., Quan-Haase A., Mesch G., Chen W., Schulz J., Hale T.M., Stern M.J. Digital inequalities and why they matter // Information, Communication & Society. 2015. Vol. 18, Is. 5: Communication and Information Technologies Section (ASA). doi: 10.1080/1369118X.2015.1012532
12. Mihelj S., Leguina A., Downey J. Culture is Digital: Cultural Participation, Diversity and the Digital Divide // New Media & Society. 2018. doi: 10.13140/RG.2.2.31999.25765
13. Антропологический выпуск № 2. Четвертая промышленная революция – обзор книги Клауса Шваба // Богослов.RU. URL: <https://bogoslov.ru/event/5624704> (дата обращения: 11.04.2021).
14. Мельков С.А., Салтыкова М.В., Лябах А.Ю. «Цифровые кочевники»: проблематизация появления и влияния на развитие современного общества // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 1. С. 76–92.
15. Салтыкова М.В., Пителинский К.В. Безопасность личности как Приоритетная цель актуальной государственной стратегии РФ // Вестник Московской международной академии. М. : MMA, 2017. № 2. С. 107–117.
16. Дугужева М.Х., Симеева Е.П. Трансформация законодательства о культуре в условиях цифровизации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 44. С. 190–208. doi: 10.17072/1995-4190-2019-44-190-208
17. Бондарь Н.С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 19–31.
18. Васильева Т.А. Концепция достоинства личности в доктрине и практике органов конституционного контроля // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 10. С. 3–8.
19. Хоннет А. Право свободы: очерк демократической нравственности / пер. А.Ю. Шачиной, С. Шачина // Кантовский сборник. 2012. № 1. С. 39–41.
20. Эксперт ООН обеспокоен масштабом применения пыток в мире // DW. URL: <https://www.dw.com/ru/эксперт-оон-обеспокоен-масштабом-применения-пыток-в-мире/a-53950781> (дата обращения: 11.04.2021).
21. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. СПб. : Лань; Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. 352 с.
22. Ишков А. Выбраться из сетей // Богослов.RU. URL: <https://bogoslov.ru/article/6169894> (дата обращения: 11.04.2021).
23. Антропологический выпуск № 2. «Наши умы могут быть похищены»: почему IT-специалисты боятся смартфонной антиутопии // Богослов.RU. URL: <https://bogoslov.ru/event/5625909> (дата обращения: 11.04.2021).
24. Гусейнов А.А. Достоинство личности и психологические пытки (О книге София Нагорная, Шамиль Хазиев, Долг адвоката и этика психолога: психическая (психологическая) пытка в правовой системе России) / отв. ред. А.С. Ковалец; вступ. сл. акад. РАН А.А. Гусейнова. М. : ЛУМ, 2020. 172 с.
25. Экзоскелет, читающий мысли, помог паралитику вновь начать двигаться // БиБиСи. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-49932041> (дата обращения: 11.04.2021).
26. Баренбойм П.Д. Машины, механизмы, технологии. В конечном счете между адвокатами и роботами будет стоять только психология // Достоинство личности и психологические пытки (О книге София Нагорная, Шамиль Хазиев, Долг адвоката и этика психолога: психическая (психологическая) пытка в правовой системе России) / отв. ред. А.С. Ковалец; вступ. сл. академика РАН А.А. Гусейнова. М. : ЛУМ, 2020. 172 с.
27. Трансгуманистическая перспектива: краткий обзор // Богослов.RU. URL: <https://bogoslov.ru/article/5177328> (дата обращения: 11.04.2021).
28. Антропологический выпуск № 1. Бог есть технология: Как диджитализм стал религией Долины // Богослов.RU. URL: <https://bogoslov.ru/event/5613259> (дата обращения: 11.04.2021).
29. Антропологический выпуск № 2. Бунт европейских интеллектуалов // Богослов.RU. URL: <https://bogoslov.ru/event/5624748> (дата обращения: 11.04.2021).
30. Thompson D.A. Virtually There: Martin Marty, Cyberspace, and Cultures of Trust in the 21st Century // Journal of Lutheran Ethics. 2020. Special May Issue. URL: <https://learn.elca.org/jle/virtually-there-martin-marty-cyberspace-and-cultures-of-trust-in-the-21st-century-2/> (дата обращения: 11.04.2021).
31. Berg E. Technology, Lutheranism, and the Proclamation // Journal of Lutheran Ethics. 2020. Vol. 20, Is. 3. URL: <https://learn.elca.org/jle/technology-lutheranism-and-the-proclamation-2/> (дата обращения: 11.04.2021).
32. Рязанцев И.П. и др. VII международная научная конференция «Цифровизация общества и будущее христианства. К вопросу о трансформации ценностно-нормативной системы общества» // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21, № 3. С. 634–640.
33. Ахмедов Р.М., Эриашвили Н.Д., Иванова Ю.А. «Цифровой диктат» как вызов православной нравственности // Закон и право. 2021. № 6. С. 26–30.

References

1. Food and Agriculture Organization of the United Nations. (n.d.) *Harnessing Artificial Intelligence's transformative power to make food systems more efficient, sustainable and inclusive*. [Online] Available from: <http://www.fao.org/news/story/ru/item/1264088/icode/> (Accessed: 11.04.2021). (In Russian).
2. Shchipkov, A.V. (2020) Sekulyarnostsizm i pravoslavie [Seculargnosticism and Orthodoxy]. *Bogoslov.RU*. [Online] Available from: <https://bogoslav.ru/article/6022962> (Accessed: 11.04.2021).
3. Trenin-Strausov, P.D. (2020) O chem ne skazal Papa Rimskiy, iskusstvennyy intellekt i "khristianskaya real'nost'" [What the Pope did not say, artificial intelligence and "Christian reality"]. *Moskovskaya Sretenskaya dukhovnaya akademiya* [Sretensky Theological Seminary]. [Online] Available from: <http://www.sdsmp.ru/news/n8908/> (Accessed: 11.04.2021).
4. Bogoslav.RU. (2017) Antropologicheskii vypusk № 2. Smert' gosudarstv i novoe chelovechestvo: tri opasnykh idei Reya Kurtsveylya [Anthropological Issue No. 2. The Death of States and the New Humanity: three dangerous ideas by Ray Kurzweil]. *Bogoslov.RU*. [Online] Available from: <https://bogoslav.ru/event/5625870> (Accessed: 11.04.2021).
5. Combi, M. (2016) Cultures and Technology: An Analysis of Some of the Changes in Progress—Digital, Global and Local Culture. In: Borowiecki, K., Forbes, N. & Fresa, A. (eds) *Cultural Heritage in a Changing World*. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-319-29544-2_1
6. Ivlev, V.Yu., Inozemtsev, V.A. & Ivleva, M.L. (2020) [Intercultural Communication and Dialogue of Ethnic Cultures in the Context of Digitalization of Society]. *ICELAIC 2020*. Proceedings of the 7th International Conference on Education, Language, Art and Inter-cultural Communication. Moscow. 8–9 December 2020. Atlantis Press. DOI: 10.2991/assehr.k.201215.353
7. Abramovich, S. & Wardrip, P.S. (2020) Can digital badges strengthen religious ethnic-cultural identity in a religious education setting? *British Journal of Religious Education*. 3 (42). pp. 338–349. DOI: 10.1080/01416200.2019.1626219
8. Macfadyen, L.P. (2006) Virtual ethnicity: The new digitization of place, body, language, and memory. *Electronic Magazine of Multicultural Education*. January. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/242563792_VIRTUAL_ETHNICITY_The_new_digitization_of_place_body_language_and_memory (Accessed: 11.04.2021).
9. Lembani, R. et al. (2019) The same course, different access: the digital divide between urban and rural distance education students in South Africa. *Journal of Geography in Higher Education*. 2019. 44 (1). pp. 70–84. DOI: 10.1080/03098265.2019.1694876
10. Enoch, Y. & Soker, Z. (2006) Age, gender, ethnicity and the digital divide: university students' use of web-based instruction. *Open Learning: The Journal of Open, Distance and e-Learning*. 2 (21). pp. 99–110. DOI: 10.1080/02680510600713045
11. Robinson, L. et al. (2015) Digital inequalities and why they matter. *Information, Communication & Society*. 5 (18). DOI: 10.1080/1369118X.2015.1012532
12. Mihelj, S., Leguina, A. & Downey, J. (2018) Culture is Digital: Cultural Participation, Diversity and the Digital Divide. *New Media & Society*. DOI: 10.13140/RG.2.2.31999.25765
13. Bogoslav.RU. (2017) Antropologicheskii vypusk № 2. Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya – obzor knigi Klausa Shvaba [Anthropological Issue No. 2. The Fourth Industrial Revolution – review of the book by Klaus Schwab]. *Bogoslov.RU*. [Online] Available from: <https://bogoslav.ru/event/5624704> (Accessed: 11.04.2021).
14. Mel'kov, S.A., Saltykova, M.V. & Lyabakh, A.Yu. (2019) "Digital nomads": problematization of the appearance and impact on the development of the modern society. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki – Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences*. 1. pp. 76–92. (In Russian).
15. Saltykova, M.V. & Pitelinskiy, K.V. (2017) Personal security as a priority objective of the actual state strategy of the Russian Federation. *Vestnik Moskovskoy mezhdunarodnoy akademii*. 2. pp. 107–117. (In Russian).
16. Duguzheva, M.Kh. & Simaeva, E.P. (2019) Transformation of the legislation on culture in the context of digitalization. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. 44. pp. 190–208. (In Russian). DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-190-208
17. Bondar', N.S. (2017) Constitutional category of human dignity in value-based measurement: theory and court practice. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 4. pp. 19–31. (In Russian).
18. Vasil'eva, T.A. (2018) The concept of human dignity in the doctrine and practice of constitutional control authorities. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 10. pp. 3–8. (In Russian).
19. Shachina, A.Yu. & Shachin, S.V. (2012) Honneth A. The right to freedom: outline of a democratic morality. *Kantovskiy sbornik – Kantian Journal*. 1. pp. 39–41. (In Russian).
20. DW. (2020) Ekspert OON obespokoen masshtabom primeneniya pytok v mire [The UN expert is concerned about the scale of the use of torture in the world]. *DW*. [Online] Available from: <https://www.dw.com/ru/ekspert-on-obespokoen-masshtabom-primeneniya-pytok-v-mire/a-53950781> (Accessed: 11.04.2021).
21. Novgorodtsev, P.I. (2000) *Vvedenie v filosofiyu prava. Krizis sovremennogo pravosoznaniya* [Introduction to the Philosophy of Law. The crisis of modern legal consciousness]. Saint Petersburg: Lan'; St. Petersburg University of the Russian Interior Ministry.
22. Ishkov, A. (2021) Vybrat'sya iz setey [To get out of the nets]. *Bogoslov.RU*. [Online] Available from: <https://bogoslav.ru/article/6169894> (Accessed: 11.04.2021).
23. Bogoslav.RU. (2017) Antropologicheskii vypusk № 2. "Nashi umy mogut byt' pokhishcheny": pochemu IT-spetsialisty boyatsya smartfonnoy antiutopii [Anthropological issue No. 2. "Our minds can be stolen": why IT specialists are afraid of a smartphone dystopia]. *Bogoslov.RU*. [Online] Available from: <https://bogoslav.ru/event/5625909> (Accessed: 11.04.2021).
24. Guseynov, A.A. (2020) *Dostoinstvo lichnosti i psikhologicheskie pytki (O knige Sofiya Nagornaya, Shamil' Khaziev, Dolg advokata i etika psikhologa: psikhicheskaya (psikhologicheskaya) pytka v pravovoy sisteme Rossii)* [Dignity of the Individual and Psychological Torture (About the book Sofia Nagornaya, Shamil' Khaziev, Duty of a lawyer and ethics of a psychologist: mental (psychological) torture in the legal system of Russia)]. Moscow: LUM.
25. BBC. (2019) Ekzoskelet, chitayushchiy mysli, pomog paralitiku vnov' nachat' dvigat'sya [The exoskeleton, reading thoughts, helped the paralytic to start moving again]. *BBC*. [Online] Available from: <https://www.bbc.com/russian/features-49932041> (Accessed: 11.04.2021).
26. Barenboym, P.D. (2020) Mashiny, mekhanizmy, tekhnologii. V konechnom schete mezhdru advokatami i robotami budet stoyat' tol'ko psikhologiya [Machines, mechanisms, technologies. Ultimately, only psychology will stand between lawyers and robots]. In: Kovalets, A.S. (ed.) *Dostoinstvo lichnosti i psikhologicheskie pytki (O knige Sofiya Nagornaya, Shamil' Khaziev, Dolg advokata i etika psikhologa: psikhicheskaya (psikhologicheskaya) pytka v pravovoy sisteme Rossii)* [Personal Dignity and psychological torture (About The Duty of a Lawyer and the Ethics of a Psychologist: Mental (Psychological) Torture in the Legal System of Russia) by Sofia Nagornaya and Shamil' Khaziev]. Moscow: LUM.
27. Bogoslav.RU. (2016) Transgumanisticheskaya perspektiva: kratkiy obzor [Transhumanistic perspective: a brief overview]. *Bogoslov.RU*. [Online] Available from: <https://bogoslav.ru/article/5177328> (Accessed: 11.04.2021).
28. Bogoslav.RU. (2017) Antropologicheskii vypusk № 1. Bog est' tekhnologiya: Kak didzhitalizm stal religiei Doliny [Anthropological Issue No. 1. God is technology: How digitalism became the religion of the Valley]. *Bogoslov.RU*. [Online] Available from: <https://bogoslav.ru/event/5613259> (Accessed: 11.04.2021).
29. Bogoslav.RU. (2017) Antropologicheskii vypusk № 2. Bunt evropeyskikh intellektualov [Anthropological issue No. 2. Revolt of European intellectuals]. *Bogoslov.RU*. [Online] Available from: <https://bogoslav.ru/event/5624748> (Accessed: 11.04.2021).

30. Thompson, D.A. (2020) Virtually There: Martin Marty, Cyberspace, and Cultures of Trust in the 21st Century. *Journal of Lutheran Ethics*. Special May Issue. [Online] Available from: <https://learn.elca.org/jle/virtually-there-martin-marty-cyberspace-and-cultures-of-trust-in-the-21st-century-2/> (Accessed: 11.04.2021).
31. Berg, E. (2020) Technology, Lutheranism, and the Proclamation. *Journal of Lutheran Ethics*. 3 (20). [Online] Available from: <https://learn.elca.org/jle/technology-lutheranism-and-the-proclamation-2/> (Accessed: 11.04.2021).
32. Ryazantsev, I.P. et al. (2021) VII international scientific conference "Digitalization of Society and the Future of Christianity. On the transformation of the value-regulatory system of society". *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya – Rudn Journal of Sociology*. 3 (21). pp. 634–640. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-634-640
33. Akhmedov, R.M., Eriashvili, N.D. & Ivanova, Yu.A. (2021) Mirea – "digital diktat" as a challenge to orthodox morality. *Zakon i pravo*. 6. pp. 26–30. (In Russian). DOI: 10.24412/2073-3313-2021-6-26-30

Информация об авторах:

Казачанская Е.А. – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: elk.13@yandex.ru

Овчинников А.И. – д-р юрид. наук, зав. кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия); профессор кафедры теории и истории права и государства Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: k_fp3@mail.ru

Оганесян А.К. – руководитель Департамента биомедицинских, ветеринарных и экологических направлений Сочинского института Российского университета дружбы народов. E-mail: armenoid1986@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.A. Kazachanskaya, Cand. Sci. (Law), associate professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: elk.13@yandex.ru

A.I. Ovchinnikov, Dr. Sci. (Law), head of the Department of Theory and History of State and Law, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation); professor, South-Russian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: k_fp3@mail.ru

A.K. Oganessian, head of the *Department of Biomedical, Ecological and Veterinary Sciences, Sochi Institute* (branch) of *RUDN University* (Sochi, Russian Federation). E-mail: armenoid1986@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.07.2021;
одобрена после рецензирования 10.12.2021; принята к публикации 28.03.2022.*

*The article was submitted 28.07.2021;
approved after reviewing 10.12.2021; accepted for publication 28.03.2022.*